

Светлана Буслаева

Былички и бывальщины:

истории о встречах
с нечистой силой

КЛАДЕЗЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 398.4(470)
ББК 82.3(2Рос=Рус)-6
Б92

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Буслаева, Светлана Владимировна.

Б92 Былички и бывальщины: истории о встречах с нечистой силой / Буслаева Светлана. — Москва : Издательство АСТ : Кладезь. Психология, 2026. — 224 с. — (Деревенская мистика).

ISBN 978-5-17-190611-5

Случалось ли вам ощущать чей-то взгляд в темном лесу? Или слышать шаги на чердаке старого дома, когда там никого не должно быть?

Мы собрали подлинные рассказы очевидцев о столкновениях с нечистой силой. Эти истории передавались из уст в уста, от свидетеля к слушателю, от поколения к поколению.

Былички и бывальщины — это особый жанр народного творчества, где каждое слово — воспоминание очевидца. В них нет волшебства и магии, только реальные люди, места и события, за которыми скрывается нечто необъяснимое. Лешие и водяные, домовые и банники, ведьмы, русалки и ожившие покойники — все они были частью жизни, невидимыми соседями, о которых лучше не говорить громко.

УДК 398.4(470)
ББК 82.3(2Рос=Рус)-6

ISBN 978-5-17-190611-5

© Буслаева С.В., текст, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

МОЖЕТ, СКАЖЕТ КТО: «ВЫДУМКИ ВСЕ ЭТО...»

*Может, скажет кто: «Выдумки все это».
А только старые люди зря не говорили.
В каждом месте свой хозяин есть,
и с ним лучше жить в мире.*

Окружающий мир у древних славян персонифицировался в конкретных формах и персонажах, в образах духов воды и леса, дома и бани и т. д. Наши предки поэтизировали силы природы, потому особое место в народном творчестве занимали рассказы о сверхъестественных существах, духах, ведьмах, колдунах, оживших покойниках и кладах.

Издавна человек жил не один. Или так ему, по крайней мере, казалось.

Стоило выйти в поле, войти в темный лес, задержаться у реки или остаться ночью в пустой избе, как мир дышал и оживал. Рассказы о встрече человека со сверхъестественными силами не просто страшные истории, чтобы скрасить вечер, а отражение мифологических представлений, корнями уходящих в древность. В преданиях и легендах

выразились порой невероятные представления славян о природе, судьбе, жизни, смерти и устройстве мира.

У каждого села, каждой улицы, каждой семьи были свои истории о том, что случилось *«вот тут, за овином¹», «в ту зиму», «с нашим соседом»*. Народ чувствовал потребность сохранить память и понимание мира. Постепенно рассказы о встречах с нечистой силой сложились в особый жанр устной несказочной прозы — былички и бывальщины. Исследователи объединяют их в круг демонологических рассказов.

Быличка — устный рассказ-воспоминание о якобы случившемся сверхъестественном явлении о встрече с духом природы, с домовым, банником или иным существом из потустороннего мира. Термин вошел в научный обиход лишь в первой половине XX века. По смыслу он близок к старинному «бывалка», которое В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» определял как рассказ «не вымышленный, а правдивый, но сбыточный, несказочный». Позднее братья Б. М. и Ю. М. Соколовы, записывая фольклор белозерских крестьян, переняли живое народное слово и ввели его в практику русской фольклористики.

Бывальщина же — рассказ-быль, тоже связанный с персонажами низшей мифологии (лешими, водяными, русалками, овинниками, чертями, ведьмами, колдунами, оборотнями, покойниками). В бывальщинах сильнее ощу-

¹ Овин — крестьянское строение для сушки снопов пшеницы или ржи перед молотьюбой. — *Здесь и далее — примечания редактора.*

тим художественный вымысел, но сохраняется акцент на достоверности.

К быличке относят житейскую историю, осмысленную как следствие контакта со сверхъестественным. О пережитом рассказывает очевидец, и в этом — главное ее отличие от бывальщины. Если в быличке звучит *«со мной было»*, *«я видела»*, *«у нас в избе»*, то в бывальщине чаще услышишь: *«соседу явилось»*, *«у одной бабы случилось»*. Но границы нередко размыты, потому в научных каталогах их часто объединяют.

В отличие от сказки, где с первых слов ясно, что перед нами — вымысел, быличка существует в контексте повседневности. Она не ограничена строгим сюжетом, может быть короткой репликой, замечанием, суеверной приметой, а может разрастись до подробного рассказа. Чем больше в ней деталей и развернутых описаний, тем ближе она к бывальщине. Но неизменно одно: вера. В быличку верит и тот, кто рассказывает, и тот, кто слушает. В ней всегда подчеркиваются приметы действительности: называются реальные места, временной или исторический период, а также реальные люди.

Потому быличка носит свидетельский характер. Ведь ее герой не богатырь и не царевич, а свидетель, лирический центр повествования, со страхом, растерянностью и искренней верой в увиденное. Образ нечисти чаще остается неопределенным: его не называют прямо, словно опасаясь привлечь внимание, а передают через звук — храп, шорох, свист — и через прикосновение, холод, запах. В этом уга-

дывается древняя вера в запрет на именование нечистой силы.

Таинственность, тревожное ожидание, трагический или пугающий финал — все это отличает былички и бывальщины от иных форм устного слова. Но почему же люди так искренне верили в эти сюжеты и передают былички из уст в уста по сей день?

Для наших предков рядом с видимым существовало невидимое, и от него можно было ожидать чего угодно. Быличка и бывальщина предупреждали, передавали знания о возможных опасностях от сверхъестественных существ, учили осторожности и уважению к границам «чужого» пространства.

Обычно такие рассказы складываются в тематические циклы: о духах природы, о домашних духах, о волшебных существах и кладах, о мертвецах, ведьмах и колдунах, о чёрте и прочей нечистой силе. Особенно многочисленны истории о леших, водяных, русалках, банниках и дворовых — тех, с кем человек сталкивался в поле, в лесу, на реке и повседневном труде. Именно среди привычных забот незримое оказывалось ближе всего. Потому сюжеты быличек рождались из жизни — рядом с человеком, шаг за шагом сопровождая его от порога избы до лесной опушки и обратно.

ВСТРЕЧА С ЛЕШИМ

Есть звериные тропы, есть птичьи, а есть такие, что самому хозяину лесному принадлежат. Про него и рассказывают чаще всего — про *лешего*.

Среди духов природы леший самый приметный. Сколько лесов стоит, столько и рассказов о нем ходит. В одной стороне его лешим кличут, в другой — *лешаком*. Где-то скажут просто — *лесной*, а иной старик уважительно назовет: *дед, дедушко, хозяин, лесной соседушко, лесовой*. Именного, да суть одна: он в лесу главный.

Бывает, в быличке и имени его не произнесут — только намек дадут: кто-то свистнул не по-человечьи, кто-то тропу спутал, кто-то хохотнул за спиной. И сразу ясно: непростой это дух, не ветер шалит. Да только не всегда поймешь, леший ли то, чёрт иль бес. Потому и смешиваются в народной памяти образы: где мрачный смех, где путаница, где беспричинный страх, там и нечистая сила кроется.

Говорили, леший может ростом с сосну стать, а может — с травинку. Может голосом знакомого окликнуть, может в чаще завести так, что кругами ходить будешь до ночи. Он зверю — брат, птице — товарищ, а человеку — испытание.

Так и живет лесной хозяин в рассказах — невидимый, но всеведущий. И прежде чем в чащу ступить, советовали: поздоровайся с лесом по-хорошему да не шуми попусту. Лес любит уважение, а хозяин его — порядок.

ЧТО О ЛЕШЕМ ГОВОРЯТ БЫЛИЧКИ

«В лесу тоже хозяин есть, леса без хозяина не бывает...»

«Леший, говорят, есть, но кто его знает. Чё-то кажется постоянно. Какой-то там мужик бродит, такой лесной, длинноногий...»

«В лесу — дед хозяин, заведет, что и не выйдешь. Чтобы не заблудиться, нужно переобуться [*надеть правый ботинок на левую ногу, левый — на правую*]».

«Как-то я один раз запуталась сама. Пошла клубнику собирать, вроде дорогу хорошо знала, а свернула с тропинки-то, заплуталась. Начала молитву читать. Кто-то захохотал тут же. Опять читаю молитву. И вдруг дорога образовалась. Смогла выйти».

Заблудившись в лесу, путник переобувал лапти с левой ноги на правую, а одежду выворачивал наизнанку. То же проделывали, когда искали в лесу пропавших детей или скот. При этом выворачивать одежду в доме — плохая примета. Даже в современном мире слышны отголоски веры в обряды выворачивания. Кто из нас не слышал: если перебежала до-

рогу черная кошка, нужно постучать по дереву или плюнуть через плечо? Люди воспринимали дорогу как часть иного мира и ради освобождения выворачивали одежду.

«Говорят, леший кричит в лесу. У меня брат с мужем пошли как-то по смородину, на Гришкин скол. Заходят в лес, ходят, смородину собирают. Заблудились, с утра ушли, и все нет. Потом они показывали то место. Леший водит, говорят. Сколько они ни ходили, смородины не смогли найти. Кругом хмель да черемуха. Дойдут до черемухи, а выйти не могут. На черемухе запятали — шесть раз доходили до нее. И деревьев нет больше вокруг. Муж рассердился: „Выворачивай, Гриш, рубаху!“ Вывернули и вышли. Штаны, рубахи — все вывернули. Весь день ходили, а смородины чуть на донышке у них было...»

«Старуха одна вышла за деревню, на угор, и заблудилась. Деревню видит, а выйти не может. Лапти передела накосулю, как на покойника, и вышла...»

«Мы косили под Шайтанкой. Как раз клубиника ягода поспела. Пошли собирать, встретился нам кто-то навстречу:

— Далеко пошли? Не заблудитесь!

— Да я все елочки здесь знаю!

Все-таки заблудились. Ну, я лапти накосулю одела, юбку сняла — тогда только дорогу нашли».

«Бес в лесу отгаркивается [*отхаркивается*]: стук топора — а это кто-то отгаркивается. Говорят, бес. Бес, он ведь подделался [*подражает*] — да за уши водит [*обманывает*]. Дак он, бес, подделается к человеку, а ето бес. Вот мы си-

дим с вами, говорим, а вы окажетесь бес, или я окажусь. Так и в лесу. Сегодня де ко мне бес подделался. А кто знает, как он подделается к человеку. Уговорит, все, что надо, выпросит. Вот етот бес и ходит в лесу...»

«А вот еще. Мы сено косить пошли. Вижу: мужик стоит, рубаха белая, а полы-то пиджака так и вертятся. Я на скирде [*плотно уложенный стог сена*] была, скатилась с нее — и бежать. Не один год его видели потом, еще бабушка моя видела. И все в лесах».

«В нашей деревне, в Иргише [*Пермский край*], есть место, где виденья разные бывают... Холодный Ключ в народе называют. Как-то там трое рыбачили возле этого места ночью, костер разожгли. Вдруг — шум сильный, как будто буря, а ветра нет. Тогда увидели они лешего, большого он роста оказался. Испугались и убежали рыбаки, а когда оглядывались, видели, как из леса вылетают головешки...»

Облик лешего схож с человеческим: старик или мужик с бородой, одетый в крестьянскую одежду. Характерная черта лешего — способность менять рост: идет по лесу — тогда он вровень с самым высоким деревом; идет по лугу — тогда вровень с травой. Леший также умеет обращаться в любого зверя или птицу, в куст, дерево и даже гриб.

«Есть у меня племянница, Лешкова... С двумя сестренками она шла в Коровино через Даир. А от Даира до Коровина девять километров, все время лес да лес: там листвяк,

осинник, всяко там багульнику много — в общем, трущоба. Вот идут они. Под хребет пошли. Встретился там им учитель Иван Васильевич — не одних их он там водил.

— Куда вы?

— Да вот домой.

— Ху, так ить вы неладно идете. За мной идите, я не раз тут ходил.

Они пошли за ним. Вот идут и идут. На сопку их завел и потом вдруг исчез. Мы, говорит, смотрим, оказались аккурат над Сергеем, девять километров от нашей деревни. Оказалось, он их завел на большую-большую сопку, вывел и исчез. Мы кричали: „Иван Васильевич! Иван Васильевич! Как мы теперь? Скоро ночь, а мы одни“.

Не видели, куда он делся. Но поругали его. Ночью-то домой и вышли. Плакали: „Вот змей, Иван Васильевич!“

Ну, а он потом, этот „Иван Васильевич“, мужиков столько увел в лес...

— Дак это действительно он был?

— Нет, не он! Кто-то под его видом...»

«Про лесного-то я от мамы слыхала... У Афросиньи был брат, он в Пильве жил, в парнях. А подружка его — в Иргише. У как далеко! Но он к ней в летнюю ночь сбегал. И вот один раз он к ней бежит, и вышел навстречу такой человек, с елку ростом. Дак он так переполохался, наверное».

«Все говорят, что леший есть. А ведь раньше и по ночам косили. Жнешь рожь, а потом эту жниву-то *[выжатое поле с короткой соломой]* косишь скотине. А запретили ведь это косить-то. И вот там-то, говорят, леший был.

Мы слышали его. Так он на всякие голоса кричал: и по лошадиньи-то, и по-коровьи-то, и смеется, и в ладошки хлопает. Он в лесу живет. У лешего жена есть, лешачиха. А вот говорят, сам-то он, леший, страшный. Если же человек какой-то страшен, то говорят обычно, что на лешака похож».

«На месте Ольховки был лес, в котором тек ручеек. Трое парней шли на рыбалку. Один из этих парней был немым. Зашли парни в лесную глушь и услышали женский плач. Увидели в пятнадцати метрах от себя сидящего на пне мужчину необъятных размеров в черном костюме и рядом с ним — женщину в черной юбке и розовой рубашке таких же огромных размеров. Женщина стояла и плакала. Как только увидели их, немой закричал: „Леший!“ Только выбежали из леса, тут плач и прекратился. Случилось это за две недели до войны с японцами».

«Леший в лесу живет, это дьявол лесной. Пастухи-то, они знают с лешим. Леший-то пасет коров. Пастух у нас есть, дак он с лешим знался. Он запиروвал раз, а леший-то не любит пьяных, и в прошлый год леший его с коня счикивал [*сбрасывал*]. Подпасок [*помощник пастуха*] лешего не видел. Только пастух. Простые люди тоже не видят».

«Наши мужики не один раз в лесу лешего видали, когда по ночам ездили. Он лунные ночи больно любит: сидит старик на пеньке, лапти поковыревает да на месяц поглядывает. Как месяц за тучку забежит, темно ему становится. Знаешь, он подымет голову-то да глухо так говорит: „Свети, светило“».

«Скотину потеряешь. Раньше как говорили: лешаку надо пачку табаку, пачку махорки. Со словами какими-то несут. Ставят где-нибудь на пеньке».

«Скотину потеряешь, на пенек просто кусочек хлебушка кладут и говорят: „Соседушка лесной, скотинка потерялась“».

По поверью, нечистая сила ищет повод навредить человеку. Неосторожное упоминание расценивалось чуть ли не как приглашение вмешаться в земные дела. Для обхода запрета люди веками использовали эвфемизмы — иносказательные или смягченные выражения: вместо слова «леший» говорили «шайтан», «чёрт», «нечистый» и т. д.

«Я сказал как-то: „Чтоб леший тебя унес! Пора спать ложиться, а ты все ходишь“. Мать моя услышала это, и мать меня сковородником: „Никогда не ругай ребенка, поминая лешего, а то ребенка забрать может...“»

«В Земплягаше был случай — две девочки заблудились. Они бегали, а им сказали: „Идите вы к лешему, не бегайте здесь, не мешайтесь“. И все, они ушли. Дак возле Осиновика их только нашли. Они рассказывали потом, как бабушка некая их орехами угощала и под юбкой сарафана прятала, чтобы не замерзли. А когда их нашли, у них заячьи говешки в платьишках лежали. Вот орехами такими она их и кормила. Посылали к чёрту — дети к черту и ушли, к лешему».

«Сестры были, и как-то одна другой чем-то помешала, и одна сказала: „Чтоб леший тебя унес!“ Как-то так она

и сказала. И вот на вечер девочка пошла туда на закат солнца, все в лог *[широкий овраг с пологими, заросшими травой или кустарником склонами, представляющий собой небольшую сухую долину]*, а за ним еще лог, сколок. Стали искать, где Лена. Искали, искали — нигде ее нет. А кто-то все же ее видел, как она по горе шла. Вот как леший ее и унес. Давай искать, уже темнеть стало. Девочка где-то заревела. Нашли ее под кучей. Ладно, нашли, с огнем хотя уже искали *[то есть ночью]*».

«Слышал, в Ужгинской Чердынского района у бабушки пасынок был, у которого сын Микола был. Весной пасынок огород городил и перепугал парня: „Иди к лешему!“

Его день нет, два нет. Везде выискивали. Пошли в церковь служить. Послужили службу по умершей бабушке, вышли. Утром он на сеновале в сарае оказался.

Спрашивают его:

— Где ты был?

— Я с бабушкой ходил по лесу.

— А что ел?

— А она мне все дерьмо от коров велела есть. Ешь, говорит, это лепешки. А я их не ел, я ел траву да щавель.

— А как вернулся?

— Дак она и привела, подворотню достала и пикнула.

Это потому вернулся он, что службу в церкви отслужили и она его больше держать не могла».

«Ну это опять легенда была. Мужик репу караулил. Заяц прибежал. Он его, значит, гонит: „Понеси тебя лешак!“ К нему лешак и пришел с кузовом: „Давай садись!“

Унес он его, тащил, тащил и принес к избушке домой. В избушке сидели девка и хозяйка. Там эта девка и говорит: „Ты деньги-то бери, клади“. А тама у них целый медник стоит денег, у лешака-то. Но старуха увидела, что деньги он берет, и сказала: „Убери-ка его!“ Так лешачиха и сказала.

Леший тут же и дал ему все да унес туда, откуда притащил. Это такая легенда ходила».

«Бабушка мне рассказывала. Ее отца, когда он был маленький, не любила мачеха. Коней надо было вести на пойло, а он рано не хотел вставать. А мачеха и говорит: „Леший бы его убил“.

Повел он коней — и нет его. Его день ищут, второй, а все никак нет. Это было весной. И молебен отслужили. Уже целая неделя прошла. А с ним и собачка была. После молебна пошли белковать [*охота на белок*]: где-то у Бушулея крутой утес был, и он сидел на отвесной скале, а рядом — собачка. Стали думать, как его оттуда забрать. Ребенок-то совсем одичал. Обошли его сзади, растянули все одежды, чтобы если упал, то не разбился. Все же взяли его.

Его одна бурятка лечила. А он и не разговаривал совсем. Потом стал отходить. Стали его спрашивать, а он говорит: „Со мной моя мама была“. А за пазухой у него нашли конские лепехи. Он говорит: „Мы с мамой ходили, она давала мне лепешки с маслом. Жучка маму не любила и не давала с ней спать. Когда молебен отслужили, я увидел, что у нее лошадиные ноги“. Хотел спросить, а она мне отвечает: